

даже в глазах таких отчаянных смельчаков, как генералы А.П. Ермолов и М.А. Милорадович.

К.Ф. Толь пользовался абсолютным доверием императора, проявил недюжинные способности дипломата в составе русской делегации на Венском конгрессе. 14 декабря 1825 года на Сенатской площади он остался верен присяге и был в свите нового императора Николая I. Ещё раз его судьба пересеклась с судьбой Карла Клаузевица в 1831 году. Оба участвовали в подавлении польского восстания. Живая легенда русской армии, советник Суворова, Кутузова и Барклай де Толли, не оставил военно-исторического наследия.

КАРЛ КЛАУЗЕВИЦ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

Новые идеи вырастают из инакомыслия, нужен особый взгляд, чтобы увидеть в старой системе ростки нового, но, чтобы идеи овладели умами и совершили переворот, необходимо еще и личное мужество, вызов судьбе.

Карл фон Клаузевиц родился в 1780 году, за шесть лет до смерти Фридриха Великого. Он был третьим, младшим сыном в семье отставного прусского лейтенанта, получившего тяжёлую рану во время осады Кольберга русским корпусом П.А. Румянцева. Семья офицера-инвалида едва сводила концы с концами и отец всех своих мальчиков определил в королевскую армию. В возрасте 13 лет, в 1792 году, Карл участвовал в походе Фердинанда Брауншвейгского за Рейн против французских якобинцев, в осаде Майнца и получил первое боевое крещение.

Семь лет молодой лейтенант провёл в гарнизонах Вестфалии. Эти годы стали настоящей школой самообразования и духовного роста. Карл использовал почти всё свободное время для чтения. Уже в это время проявился философский склад ума будущего военного теоретика. Его пытливый ум хотел понять движение своей эпохи, свою страну, обозначить цели профессионального роста. Он не спешил делать карьеру. Знакомился с миром героев античности, «Историей Тридцатилетней войны» Шилле-

ра, наследием Фридриха Великого, философскими идеями Канта и Фихте. Он внимательно следит за бурной карьерой генерала Бонапарта, его победами в Италии и Египте. Он чувствует, что мир стремительно меняется, но он терпелив. Он уверен, что скоро его знания и преданность королю будут востребованы.

В 1801 году Карл фон Клаузевиц был направлен на учёбу в Берлинское военное училище, и здесь ему повезло с наставником. Начальником училища практически одновременно был назначен автор ряда военно-исторических работ, инициатор военных реформ Шарнхорст. Он был сторонником реорганизации пехоты для действия её рассыпным строем, усиления роли артиллерии, новой стратегии – движения корпусов по сходящимся оперативным линиям в наступлении и по расходящимся – в отступлении. Шарнхорст предлагал отказаться от старой фридриховской наёмной армии и перейти к системе формирования национальной армии – ландвера и ландштурма. Шарнхорст одним из первых осознал наполеоновскую опасность для Пруссии и призывал без промедления готовиться к схватке.

Дружба начальника и подчинённого во все времена, тем более в прусской армии, была явлением исключительным. Шарнхорст и молодой Клаузевиц оказались единомышленниками. Клаузевиц стал Клаузевицем, общаясь с Шарнхорстом. В течение двенадцати лет, вплоть до смерти Шарнхорста от ран в 1813 году, Клаузевиц относится к самому ядру реформаторов, возглавляемых Шарнхорстом. Впоследствии благодарный ученик написал книгу-биографию о генерал-лейтенанте Шарнхорсте, верном слуге короля. Но Шарнхорст пользовался настолько большим авторитетом в армии, что трусливый Фридрих-Вильгельм III постоянно подозревал его в нелояльности, ему мерещился то кандидат в прусские Бонапарты, то кандидат в Валленштейны.

Шарнхорст и Клаузевиц, несмотря на разницу в возрасте и чинах, в одном отношении стояли друг друга. Они обладали завидным чувством собственного достоинства и независимостью суждений. Для Пруссии, где не было

демократических традиций, такое поведение рассматривалось как вызывающее. Шарнхорст не раз публично давал понять, что он служит, прежде всего, Пруссии, а потом Гогенцоллернам.

Второй крупной удачей, звёздным мгновением в судьбе Клаузевица, стала любовь к Мари фон Брюль. Они встретились весной 1804 года в одном из берлинских салонов. Он – молодой, многообещающий офицер, адъютант принца Августа. Она – саксонская аристократка, правнучка всесильного саксонского канцлера, уже повидавшая мир. Мари родилась в Варшаве. Отец её был воспитателем кронпринца, будущего Фридриха-Вильгельма III, поэтому она была своим человеком в берлинском светском обществе. Но сказать так – это не значит сказать самое существенное. Самое главное заключалось в том, что Мари была воспитанницей романтиков, была знакома с братьями Шлегелями и мадам де Сталь, зачитывалась «Гиперионом» Гельдерлина и «Страданиями молодого Вертера» Гёте, любимым её поэтом был Фридрих Шиллер. У неё был специфический мир ценностей, свойственный романтикам, богатое воображение и высокие требования к будущему избраннику. Карл поначалу вызвал в ней только любопытство. Но чем больше она слушала рассказы окружающих людей о нём, тем больше понимала: Клаузевиц – не карьерист, как большинство молодых офицеров вокруг. Он не только умён, он очень современен. Он говорит об истине, достоинстве, красоте, как говорят об этом её любимые герои. Клаузевиц – романтик, он мой Гиперион, а я – его Диотима.

Начало любви было трудным. Сословные предрассудки – это не миф, а реальность. Мать Мари до конца жизни считала, что Клаузевиц – не пара её любимой дочери и за спиной любящих делала попытки разлучить их и составить Мари более достойную и выгодную партию. А что мог пообещать Мари молодой офицер из обедневшего дворянского рода? Но тут коса нашла на камень. Мари упёрлась, она была влюблена по уши и сделала выбор на всю жизнь. И действительно, Мари стала путеводной звездой Клаузевица во все последующие трагические для Пруссии

и лично для них события. И он выстоял благодаря дружбе с Шарнхорстом и любви Мари. Сохранилась переписка Мари и Карла Клаузевица – это классика романтизма.

«Любовь, которая быстрее привела бы к цели и должна была бы преодолеть меньше внутренних и внешних препятствий, – пишет Мари Карлу, – избавила бы нас от некоторых болезненных переживаний, но она зато не смогла бы принести нам так много счастья и наслаждения... При моём внешнем спокойствии, так часто являвшим собой контраст с твоей живостью, мне было бы гораздо труднее убедить тебя в силе и искренности моей любви, если бы мне не пришлось столько бороться и перенести из-за тебя».

Пока прусская аристократия предавалась воспоминаниям о величии фридриховских времен, грянул гром Аустерлица. Пруссия упустила свой исторический шанс – остановить агрессора было уже невозможно. Наполеон не доверял Пруссии. Вскоре Великая Армия начала новую кампанию. На саксонских полях, близ Иены и Ауэрштедта, в 1806 году разразилась катастрофа. В двойном сражении Наполеон и его лучший маршал Даву разгромили наследников Фридриха Великого. Король бежал в Восточную Пруссию – в Кенигсберг и Мемель. Принц Август и его адъютант попали в плен. Наступил момент истины. Надежды на русскую армию не оправдались, наступил Тильзитский мир.

Летом 1807 года в роскошной палатке на плоту посередине Немана Наполеон и Александр I делили Европу. Вопрос стоял о ликвидации Прусского государства. Александр категорически возражал. В последний день тильзитского свидания к ним присоединился Фридрих-Вильгельм III с очаровательной Луизой Прусской. Пруссия потеряла свыше 40% территории, должна была разоружиться и принять условия Континентальной блокады.

И сразу же в стране началась борьба партий, представлявших рецепты выхода из кризиса и модернизации страны. Последовала отмена крепостного права. Шарнхорсту, Гнейзенау и Клаузевицу был предоставлен карт-бланш на проведение военных реформ. По заключении

Тильзитского мира Клаузевиц вернулся в Берлин, был переведён в генеральный штаб и в чине майора поступил в военное министерство, где работал под руководством того же Шарнхорста, состоявшего директором военного департамента. В то же время он посещал лекции по философии известного профессора Кизеветтера, последователя Канта, что оказало влияние вообще на философский склад сочинений Клаузевица, и в частности на выработку диалектического метода главного его сочинения «Война».

В 1810-1812 годах Клаузевиц преподавал военные науки наследному принцу, впоследствии королю Фридриху-Вильгельму IV. Для своего ученика Клаузевиц составил весьма замечательное «Поучение», проникнутое наступательным духом и придававшее огромное значение нравственным силам на войне, а прочитанные им лекции послужили основой для большинства его последующих сочинений.

Поражение Пруссии и плен положили конец романтизму Клаузевица. В плену он был рядом с принцем Августом, и духовная катастрофа была смягчена либеральным отношением французов к прусскому принцу и его адъютанту. После Тильзитского мира им была предоставлена возможность посетить Париж. Затем они на пути на родину посетили в Швейцарии госпожу де Сталь, известную своими антинаполеоновскими взглядами. Автор романа «Коринна, или Италия» и её друг Август Вильгельм Шлегель произвели большое впечатление на Карла. Со Шлегелем они надолго подружились.

Эта встреча совпала с завершением целой эпохи в жизни Клаузевица. На протяжении последних пяти-семи лет он восхищался Бонапартом, его военным гением. Но Наполеон был врагом его родины. И отношение к нему Клаузевица очень напоминало отношение к императору французов русских декабристов – они обожали его и одновременно сражались против Великой Армии. Жизнь во Франции и разговоры с Жерменой де Сталь внесли ясность. Герой оказался мелким честолюбцем – какая необходимость была в принятии титула императора, разве

у Первого консула Бонапарта было мало власти? Почему на важнейшие политические и военные посты в империи были назначены члены фамилии Бонапартов и их ближайшие родственники? Почему честные военные генералы республиканцы Моро и Лекурб, соперники великого Суворова, отказались сотрудничать с Наполеоном? Многие немцы, с надеждой смотревшие на фигуру Бонапарта, от него отвернулись. Бетховен снял свое посвящение Наполеону с третьей («Героической») симфонии. Его ничто, кроме власти и господства в Европе, не интересует. И, как говорит мадам де Сталь, наполеоновскую легенду делают бюллетени, а они много лгут, даже появилась поговорка «врёт, как бюллетень». Клаузевиц также разочарован, отныне судьбу своей страны он связывает с поиском внутренних источников стойкости и сопротивления самонадеянному корсиканцу.

Он едет в Кенигсберг к Шарнхорсту. А в Кенигсберге зреет заговор недовольных королём военных, заговор против Наполеона и оккупационного режима. Среди ближайших соратников Шарнхорста фон Гнейзенау, высокообразованный офицер, герой обороны Кольберга, Герман фон Бойен, профессиональный военный, уроженец Восточной Пруссии, поклонник и знаток учений Канта и Адама Смита, майор Грольман, с аналитическим складом ума и непреклонной силой воли. К ним вскоре присоединился и Карл Клаузевиц.

Перед поездкой в Кенигсберг Карл встретился с Мари в Берлине. Встреча была непростой. Карл снова покидал её в смутное и трагическое время. Мари слишком его любила и понимала, что он идёт навстречу своей судьбе. Но не думала, что события будут развиваться так стремительно и непредсказуемо.

Наполеон не мог остановиться, его испанские планы получили продолжение в виде народной войны. После Испании взбунтовалась Австрия, эрцгерцог Карл перешёл Дунай, началась очередная попытка народов Европы освободиться от наполеоновского господства. На этом фоне Наполеона раздражали вести из Пруссии. Генерал Шарнхорст говорит о всеобщем вооружении народа и реформе

армии, пытается склонить к военному союзу Россию. Его сподвижник, майор Клаузевиц даёт советы австрийскому главнокомандующему, эрцгерцогу Карлу. В Восточной Пруссии, не оккупированной французами, зреет народное недовольство Континентальной блокадой и непосильной контрибуцией.

Наполеон после Ваграма вспылел, а прусский король сразу же «сдал» реформаторов. Барон Штейн, освободитель крестьян, уехал в Россию, Шарнхорст был переведён из военного департамента в генеральный штаб, Гнейзенау ушел в отставку. Майор Клаузевиц летом 1810 года был назначен преподавателем вновь созданного в Берлине офицерского военного училища, а 17 декабря 1810 года Мари фон Брюль и Карл фон Клаузевиц были обвенчаны в церкви Святой Марии, после короткого свадебного путешествия они вернулись в скромную берлинскую квартиру. Впереди был год покоя и мира.

Одним из звёздных мгновений в жизни Клаузевица, наряду с дружбой Шарнхорста и любовью к Мари фон Брюль, является его решение поступить на русскую службу. Отношения русского и прусского, русского и остзейского дворянства на протяжении последнего столетия, несмотря на печально известные события Семилетней войны, складывались вполне успешно. По личным мотивам и частным вопросам границы пересекались с лёгкостью, о которой напоминает бессмертная фраза из приключений барона Мюнхгаузена: «Я въехал в Россию верхом на коне». Въехал, так въехал. По обе стороны границы – родственники, друзья. Будем служить русской императрице, она у них (у нас) – немка. Ради карьеры можно сменить и подданство, и короля. Клаузевиц приехал в Россию перед вторжением Наполеона. Им руководила идея исполнения большого долга перед родиной – бороться с Наполеоном на главном фронте. Он благополучно миновал французские посты – обстановка была предвоенная, – купил в Гумбиннене недорогого возок. Все прошло удачно, хотя неизвестно, что было бы, если бы французы раскрыли инкогнито ближайшего сподвижника Шарнхорста и барона Штейна, объявленного вне закона.

Дорога лежала через Тильзит, Клаузевиц лишь мельком осмотрел место исторической встречи императоров и короля в 1807 году, его путь лежал на Тауроген, к русской границе. Начался продолжительный «русский отпуск» майора Клаузевица (прошение об отставке король отклонил). В штаб-квартире русского царя в Вильно он встретил Гнейзенау, который представил его русскому императору. Клаузевиц был откомендован как лучший специалист по истории военного искусства и был оставлен при ставке, а затем в штабе 1-й Западной армии. Ни до, ни после русской кампании Карл Клаузевиц не был так близок к принятию решений на самом верху. Кампания 1812 года стала не только жизненной вехой в судьбе Карла фон Клаузевица, но и лабораторией его мысли. Вместе со штабом русской армии он ушёл от границы вглубь России и зимой 1812 года вернулся к Таурогену и Гумбиннену вместе с авангардом армии генерала Витгенштейна. Русский подвиг подполковника фон Клаузевица был отмечен исключительной ролью, которую он сыграл в заключении Таурогенской конвенции. Корпус генерала Йорка фон Вартбурга благодаря посредничеству Клаузевица вышел из войны и отказался подчиняться приказам французов. Пруссия стала медленно вползать в антинаполеоновскую коалицию.

Король по-прежнему подозрительно относился к диссиденту в офицерском мундире. 27 февраля 1813 года был заключен прускорусский союзный договор. На все просьбы Клаузевица и его друзей о возвращении на прусскую службу король отвечал отказом. Ему было отказано и в железном кресте, как «иностранцу». А 28 июня 1813 года в Праге умирает от ран, полученных в столкновении под Гросгершене, Шарнхорст. Скорбь Клаузевица не имеет границ: «Из тех тысяч, которые обязаны ему благодарностью и любовью, нет ни одного, кто был бы обязан ему больше, чем я». В апреле месяце 1814 года русско-немецкий легион, к которому был прикомандирован Клаузевиц, был включен в состав прусской армии и, наконец, Клаузевиц вернулся на прусскую службу с чином полковника.

Во время Ста дней Клаузевиц по рекомендации Гнейзенау был назначен начальником штаба 3-го корпуса генерала Тильмана. И хотя непосредственно в сражении при Ватерлоо участия он не принимал, его корпус решал другие задачи, Клаузевиц был счастлив, что дожид до триумфа своего друга, ученика Шарнхорста. После поражения при Линьи Гнейзенау решил вести армию не к Рейну, а на соединение с Веллингтоном. Наполеон, уже будучи узником Европы на острове Святой Елены, назвал это стратегическое озарение Гнейзенау гениальным.

Война кончилась, прошла эйфория победы. Интриги против генералов-диссидентов не прекращались. Гнейзенау был назначен командующим Рейнской армией с штабом в Кобленце. Вместе с ним служит Карл. Этот романтический период в жизни был прерван неожиданной отставкой Гнейзенау – тому надоела атмосфера недоверия и королевские шпионы. И в 1818 году окончательно определяется судьба Клаузевица – он производится в генерал-майоры и назначается директором Всеобщего военного училища в Берлине. Больше него счастлива Мари, наконец-то её не будет упрекать мать, что она вышла замуж за голодранца. Теперь она жена генерала.

Для Клаузевица начинается главный этап его судьбы и карьеры – творческий. Работая в академии, Клаузевиц написал свои замечательные труды. Он работал над ними 12 лет. Несомненно, они были известны избранному кругу и в академии по рукописям, но всё-таки при жизни не были напечатаны – он не считал свои произведения законченными. «Этот ум, – говорит его современник, – никогда не остался бы доволен своей работой. Изоцряя свои воззрения по мере работы, Клаузевиц неминуемо открывал бы всё новые и новые стороны своей темы; он создавал бы новый строительный материал для своего здания, новые главы сочинений, а старые переделывал бы до полнейшей прозрачности». В течение 1832-1837 годов его вдовою, при содействии генерала Гребена, было издано десять томов сочинений посмертно.

По мнению Клаузевица, «война – просто продолжение политики, действующее только иными (насильствен-

ными) средствами». Вследствие этого он в исторических сочинениях отводит большое место политическим элементам и стремится выяснить, насколько судьба армии зависит от силы и слабости полководцев. Учение Клаузевица изложено в его главном классическом сочинении «Война». Хотя из восьми книг оказались переписанными набело только шесть, труд Клаузевица представляет самое полное и систематизированное изложение и анализ войн наполеоновской эпохи.

Глубокий мыслитель, знаток войны, Клаузевиц не написал учебника и не старался снабжать изучающего готовыми формулами, а ещё менее рецептами готовых решений. Он не стесняет ничьей самостоятельности и не подавляет личности. Наоборот, он старается здравым возбуждением ума и духа поставить всякого на собственные ноги. Вот почему труды Клаузевица одинаково пригодны как для полководца, так и для молодого, подающего надежды офицера. Как философ, он признавал стратегию наукой и сформулировал её принципы, хотя и считал теорию стратегии весьма трудной. Он говорил, что теория стратегии отнюдь не должна быть положительным учением, а только исследованием сущности военных предметов и явлений. Он восставал против лиц, утверждавших, что теория стратегии пытается говорить о предметах, не поддающихся научным законам; в опровержение их он приводит ряд положений, которые ясны до очевидности; например: «Оборона – более сильный род войны, но цель её отрицательная; наступление же – вид более слабый, но с положительной целью».

Война, по его взглядам, имеет два вида. «Двойкий вид войны проявляется, во-первых, в случаях, когда целью поставлен полный разгром противника с намерением или уничтожить его политически, или только обезоружить, с тем чтобы заставить его принять любые условия мира; во-вторых, когда цель ограничивается некоторыми завоеваниями по своей границе для того, чтобы их оставить за собой или воспользоваться ими в виде предмета обмена на мирных переговорах».

Клаузевиц отдает преимущество первому виду, самому

решительному, вполне отвечающему и его философскому пониманию войны. По Клаузевицу, величие и гений великих полководцев в том и заключались, что они всегда делали именно то, что нужно было делать в данную минуту. Наука должна прийти им на помощь. Она должна воспитать дух будущего руководителя на войне, но не сопровождать его на поле сражения.

Для подобного руководства Клаузевиц устанавливает следующие четыре основных принципа. Первый принцип – крайнее напряжение сразу всех сил, вплоть до окончательного их истощения. Всякое уклонение от этого может привести к недостижению поставленной цели. Это – из уроков Иены и Ауэрштедта. Второй принцип заключается в сосредоточении возможно больших сил на тех пунктах, где должны последовать решительные удары. Это – главный принцип наполеоновской стратегии. Третий принцип – не терять времени, исключая тот случай, когда затягивание дела должно привести к особенно важным результатам, вести операции сколь возможно быстрее. Эта быстрота способна в зародыше уничтожить многие из мер, которые могли бы быть приняты неприятелем. Четвертый принцип – суметь обеспечить с наибольшей энергией развитие каждого из одержанных успехов. Только одно преследование побеждённого и способно доставлять плоды победы.

Клаузевиц стал духовным мостом между старой и новой эпохой. Жизнь и судьбой он принадлежал к эпохе наполеоновских войн, творчеством – открыл путь к объединению Германии. Его ученик по академии Хельмут фон Мольтке спустя тридцать лет возглавит большой генеральный штаб и вместе с канцлером Бисмарком доведёт дело объединения Германии до конца. Связь времен не прервалась. Но триумф Клаузевица наступил в веке двадцатом. Его книги стали изучать не только в Германии, но и во всей Европе, знание Клаузевица стало неотъемлемой частью профессии. Но лучшие его последователи в Германии и России – Гинденбург и Людендорф, Рундштедт и Манштейн, Фрунзе и Тухачевский, Рокоссовский и Жуков – не были слепыми его подражателями.

Каждый помнил, что успех стратегии не прямых действий зависит от учёта многочисленных факторов и военного искусства. И в этом смысле всякие разговоры, что Клаузевиц в наши дни устарел, что он слишком прямолинеен, вызывают только улыбку.

Клаузевиц – один из вечных спутников человечества. Он педагог и мыслитель, его книги учат мыслить. И сегодня без Клаузевица нет современной политики и геополитики и любая новая концепция сверяется по Клаузевицу. Но есть ещё один Клаузевиц – классик немецкой литературы. Наряду с Гейне и Ницше он дал высочайшие образцы психологической прозы и исторического портрета. И в этом смысле Стефан Цвейг и Эмиль Людвиг были его прямыми продолжателями. Прочитайте этюды о Барклае и Кутузове, которых Клаузевиц знал лично, и вы поймёте, что имеете дело с основоположником жанра.

МАРШАЛ НЕЙ – КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ

Мишель Ней – неотъемлемая часть наполеоновской легенды. Его судьба и карьера ярче всего демонстрируют важнейший пункт меритократии Наполеона – «в ранце каждого солдата лежит жезл маршала», любое дарование, преданность и личная храбрость будут всегда оценены императором по достоинству. Тому есть множество примеров – среди маршалов не было случайных людей. Ветераны революционных войн – Келлерман, Журдан, Монсей, Брюн, Ожеро, Бессьер – составляли почётный эшелон военной элиты и уже никогда не выполняли самостоятельных ролей в кампаниях 1805-1815 гг. Были маршалы, способные самостоятельно вести военные действия и обладающие правом на стратегическую и тактическую инициативу – Массена, Даву, Ланн, Мюрат, Бернадот, Макдональд, Сюше, Сульт. Евгений Богарне, Бараге д'Иллье и Жюно остались генерал-полковниками своих родов войск так и не получили желанный маршальский жезл (Жюно даже сошёл с ума и покончил с собой).

А что Ней, каково его амплуа? Известно, что Наполе-

он пытался критиковать Нея за его действия на поле Ватерлоо: во главе сорока эскадронов атаковать английские позиции и не закрепить успех, заклепав захваченные орудия простыми гвоздями! Но это не самая большая ошибка при Ватерлоо. Но если всерьёз, то Ней всегда был в решающем месте и в решающее время во всех самых важных кампаниях: при Эльхингене в 1805 году, когда захлопнулась ловушка вокруг Ульма и австрийский генерал Мак вынужден был капитулировать. Стремительный удар 6-го корпуса Нея под Иеной положил конец мифу о непобедимости наследников Фридриха Великого. Стойкость Нея при Эйлау и его решающий удар во фланг русской армии под Фридландом определили ход в кампании 1807 года. его успехи на испанском фронте были не столь значительны, Ней не поладил с главнокомандующим Массеной.

Вершиной в карьере Нея стала кампания в России, во время наступления Ней в авангарде, а в период отступления – в аррьергарде Великой Армии. Если бы Наполеон послушал его совета и направил Молодую гвардию на прорыв русского центра после захвата Багратионовых флешей, исход сражения был бы иной. Его заслуги при Бородине были высоко оценены императором – Ней получил почетный титул Князя Московского (некоторые историки-педанты принимают другую версию – князя Москворецкого, что неправильно по-существу и снижает степень заслуг Нея в Русской кампании) «Храбрейших среди храбрых», Ахилл Великой Армии, Французский лев – эти и другие эпитеты стали признанием особых заслуг маршала Нея. Его храбрость и умение находить решения в самых сложных условиях ярко проявились во время отступления. Пять аррьергардов во главе с Неем были физически уничтожены русской армией и уже никто в главной квартире Наполеона не верил, что маршал ещё жив. И когда в местную таверну Гумбиннена, небольшого городка в Восточной Пруссии, в декабре 1812 года во время зимнего ненастья вошёл огромного роста незнакомец в грязной солдатской шинели, посетители таверны – офицеры, чудом оставшиеся в живых после

Березины – стали кричать, чтобы незнакомец немедленно покинул их общество. Тогда он снял шинель и глухо произнёс: «Я – аръергард Великой Армии, я – маршал Ней!» Офицеры сначала опешили, а потом бросились обнимать своего легендарного командира и товарища по несчастью. С этим гордым прозвищем Ней и вошёл в мировую историю.

Ней – один из немногих маршалов, который называл Наполеона на «ты». Но Наполеон всегда помнил, что в характере Нея осталось много республиканского, служба в 1795 и 1800 годах под началом Журдана и Моро навсегда его сделали близким к простым солдатам, да и он сам, сын бочара и муж бывшей горничной, никогда не забывал простых и понятных лозунгов революции и критически относился к нравам, царившим при дворе Наполеона, этим нуворишам-королям, князьям, герцогам и баронам, несправедливым должностным рентам. Известны его иронические оценки маршала Мюрата, Неаполитанского короля, который был женат на Каролине, сестре Наполеона.

Нея любили не только солдаты и офицеры Великой Армии, о его храбрости и благородстве ходили легенды в русской армии. Корпус Нея не участвовал в массовом разграблении Москвы, он был дислоцирован за пределами горящей столицы, а сам маршал разделял со своими офицерами и солдатами все невзгоды русского похода.

Ней, несмотря на контузию, полученную при Лейпциге, сражался вплоть до падения Парижа, но после сдачи столицы первый потребовал от Наполеона немедленного отречения.

В страшный день Ватерлоо он тщетно искал смерти. В разорванном мундире, с обрубленными эполетами, меняя пятую лошадь, убитую под ним, он мелькал в дыму, шёл в атаку, ревел диким животным криком, отстреливаясь в последнем каре. Он вышел из боя невредимым, словно после парада на Марсовом поле.

Напрасно некоторые историки полагают, что Ней в последний год жизни метался между Людовиком XVIII и Наполеоном, император был его судьбой и решение пере-

йти на его сторону во время «Ста дней» выглядело более, чем логичным. В гениальном фильме «Ватерлоо», где Род Стайгер играет Наполеона, а Дэн О'Херлихи – Нея, режиссёр сумел передать этот психологический перелом и ожидание фатального конца для обоих героев. Наполеона ждала ссылка, маршала Нея – суд палаты пэров, коллеги маршала отказались его судить.

Ночью шестого декабря 1815 года его духовник шева-лье Коши должен был сразу разрешить все его сомнения. Нея поужинал с большим аппетитом и крепко уснул. Его разбудили и он понял, что ему привезён смертный приговор. Он прервал чтение неприятного акта и спросил, когда назначена казнь. Узнав, что на ближайшее утро, Нея попросил прислать ему пораньше жену, дал несколько распоряжений и снова уснул. Надзиратели донесли, что маршал спал в эту ночь крепким, солдатским сном.

Холодным, туманным утром 7 декабря он бодро подошёл к стене дома номер сорок три по авеню де л-Обсервагуар. На нём был длинный голубой сюртук грубого сукна, чёрные шёлковые панталоны и чулки. Подойдя к стене, он прислушался к бою часов на Валь де Грас. Пробило девять – маршал сам скомандовал «Пли!»

Солдаты неуверенно прокричали «Да здравствует король!». Пробили барабаны и площадь опустела. У стены, пачкая в луже крови свой голубой сюртук, лежал маршал Нея, князь Московский, гордость Франции.

РОСТОПЧИН И ПОЖАР МОСКВЫ

«Главная черта русского характера – скорее уничтожить, чем отдать врагу», – писал Ростопчин по поводу пожара Москвы. Жители не хотели беречь свое добро, раз оно должно было попасть в руки неприятеля. К тому же нахлынувшая масса войск внесла много беспорядка, да и постройки были по большей части деревянные, воспламенявшиеся при малейшей неосторожности. Примером того, что русские предпочитали сжечь свое имущество, только бы оно не доставалось французам, может служить случай, когда купцы Каретного ряда сожгли свои магази-

ны потому, что французские офицеры выбрали и отметили своими именами понравившиеся им экипажи. Немудрено, что жители не тушили своих домов, даже если они загорались от случайных причин. «Всё равно французам достанется, – говорили они, – так уж пусть лучше горят».

«Народное буйство в Москве, бывшее в тот же вечер, 1 сентября, описать нельзя, – вспоминал очевидец. – По улицам начиналась вольная попойка. Возбуждённая толпа намеревалась встретить неприятеля именно вилами, как научал её в течение всего времени сам градоначальник. 2 сентября, в понедельник, рано утром она собралась у его дома на Лубянке и, по его же обещанию, потребовала похода на Воробьёвы горы, чтоб шёл он предводительствовать и отражать неприятеля от Москвы. Граф вышел к народу и громогласно возвестил: «Подождите братцы! Мне надо ещё управится с изменником! Вот изменник! – вскричал он. – От него погибает Москва!» Затем он выставил народу несчастного купца 2-й гильдии Верещагина, вся вина которого заключалась лишь в том, что он перевёл из гамбургской газеты на русский язык письмо Наполеона к прусскому королю и его речь, адресованную к монархам Рейнского союза, конечно враждебные для России, которые быстро распространились в списках по городу. Ростопчин в 14 часов отыскал виновного и в официальном объявлении от 3 июля придал этому делу характер государственного преступления, беззастенчиво назвав Верещагина сочинителем дерзкой бумаги, в которой Наполеон называл русских потомками Чингисхана, говорил, что желает восстановить Польшу, и грозил, что поразит древних тиранов Европы и в течение шести месяцев будет в обеих российских столицах. Бумага была очень ужасна по той причине, что её французское тщеславие на этот раз встретилось лицом к лицу с русским хвастовством, ибо градоначальник только накануне, 1 июля, выдал в народ первую свою афишу, где с прибаутками от лица выпившего мещанина хвастал, что Наполеону «не токмо што Ивана Великаго, да и Поклонной Горы и во сне не увидать!». Таким образом, вопрос о Верещагине заключал в себе тот смысл, что «нраву моему

не препятствуй». Сенат, рассматривавший дело, отметил в своём определении, что молодой человек «поступил из одной ветрености».

Бедный Верещагин на обвинения градоначальника успел только громко сказать: «Грех вашему сиятельству будет!» Ординарец графа тотчас ударил его саблей в лицо. Несчастный пал, испуская стоны, народ стал терзать его и таскать по улицам. Тогда будто бы приведён был другой преступник, родом француз, взятый за то, что осуждал в чем-то русских. Граф советовал ему осторожнее говорить о нации, гостеприимно его принявшей, и когда тот стал оправдываться, велел ему замолчать и прибавил: «Ступай, я прощаю тебя, но прошу, когда придут сюда разбойники, твои земляки, расскажи им, как наказывают у нас изменников». Говорят, что после того, воспользовавшись смятением народа с Верещагиным, градоначальник в задние ворота своего дома выехал из Москвы...»

Ростопчин потом самонадеянно писал государю, что если бы Кутузов сказал ему за два дня о своем намерении оставить Москву, то он сжёг бы город. Он даже очень сожалел, что ему не удалось исполнить этого намерения. Но, говоря так, он, очевидно, не предавался только тщеславию, но и вполне надеялся на толпу и не сомневался в её образе мыслей. Ещё 12 августа Ростопчин между прочим писал Багратиону: «Если вы отступите к Вязме, я примусь за отправление всех государственных вещей... Народ здешний, по верности к царю своему и любви к родине, решился умереть у стен московских, и если Бог ему не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому правилу «не доставайся злодею», он обратит город в пепел и, вместо богатой добычи, Наполеон найдёт одно пепелище древней русской столицы...» В другом письме Багратиону он писал: «Я полагаю, что вы будете драться прежде, нежели отдадите столицу, если вы будете побиты и подойдете к Москве, я выйду к вам на подпору с 100 000 вооружённых жителей; а если и тогда неудача, то злодеям вместо Москвы один пепел достанется...» По этому плану он вёл дело до последней минуты и был в от-

чаянии, что Кутузов утаил от него свое решение. Вильсон, английский военный агент, рассказывает, что когда они, и в том числе Ростопчин, стояли на постое в его подмосковной Вороново, то градоначальник всю ночь очень горько жаловался на Кутузова «за то, что он оставил Москву, не дав ему условленного предуведомления, так что и власти и жители столицы лишились возможности явить и объявлял, что никогда не простит фельдмаршалу его обмана». В ту же ночь он собственными руками и вместе с Вильсоном сжёг в Воронове свой прекрасный дом...

В Москву вошла приблизительно стодвадцатитысячная Великая Армия. За исключением гвардии, большинство французских войск расположилось в окрестностях Москвы. В городе остались испанцы, швейцарцы, баварский и вюртембергский корпуса и саксонцы. Эти французские союзники и проявили ту жестокость по отношению к занятому ими городу, о которой сохранилось столько рассказов.

Майор французского генерального штаба Александр Шмидт свидетельствует: «Приказ грабить Москву состоялся 16 сентября нового стиля, в который начались в городе пожары. В приказе этом было сказано: полковые командиры отправят на грабёж Москвы по одному отряду от каждого полка, под командой штаб-офицера, обязанность которого должна состоять в том, чтобы предупреждать ссоры между солдатами разных полков и указать своему отряду ту часть города, которая назначена для него в настоящем приказе. Когда же грабёж начался, то грабить принялись не только солдаты указанных отрядов, но почти вся армия, особенно старая императорская гвардия и итальянская королевская гвардия. Грабёж сделался всеобщим и сопровождался страшными беспорядками: армейские солдаты вступили в драку с гвардейцами, считавшими за собою больше прав; обменялись даже несколькими ружейными выстрелами. Но когда добрались до погребов, наполненных винами и спиртными напитками, то беспорядки достигли высшей степени: офицеры и солдаты перепились до безоб-

разия. Поляки первые зажгли несколько домов; а когда последовал приказ о грабеже, то и французские солдаты с их союзниками сожгли несколько покинутых зданий. От огня была спасена разная мука в количестве, достаточном для продовольствия 80 тысяч человек в продолжение 3 месяцев. Спасли также много вина, но большая часть была выпита на первых же порах, а ещё большая пропала от оплошности солдат, пьянствовавших более 4 дней. Успели сберечь немного вина для госпиталей и несколько бочек водки».

«В среду утром, – рассказывает очевидец, – поднялся ураган, и огонь начал свирепствовать с невероятной силой. В один час он разнёсся в десять различных мест, так что всё огромное пространство по ту сторону реки превратилось в море пламени, волны которого бушевали в воздухе, разнося опустошение и ужас. Вся полоса воздуха над городом превратилась в огненную массу, которая изрыгала горящие головёшки, и, вследствие расширения воздуха от теплоты, буря ещё более усиливалась. Никогда Господь Бог в гневе Своём не являл людям зрелища ужаснее этого: огонь решительно повсюду, грабители преследуют своих жертв, а бежать некуда. Церкви и дома горят. Просто ад кипит, со всех сторон всё рушится... Бревна горят и катятся по улицам; головни так и сыплются; листовое железо летит с крыш. Мостовая раскалилась и жжёт ноги. Горят колокольни, и колокола срываются и падают. Пожар уже захватил все лучшие кварталы города. В минуту все чудесные здания, которыми мы восхищались, были охвачены и уничтожены пламенем. Колонны и статуи, украшавшие их, с шумом летели на мостовую. Церкви, хотя и крытые железом, тоже рушились, а с ними и их красивые золотые и серебряные купола, которыми мы так любовались. Госпитали с множеством раненых загорались также, и сцены, происходившие там, раздирали душу. Почти все эти несчастные погибли, а немногие, ещё державшиеся на ногах и дышавшие, выползали, полуобгорелые, из-под груд обломков и пепла. Многие, придавленные горами трупов, старались освободиться на свет Божий...»

Толпы солдат заполнили улицы, врываются в дома и хватали всё, что попадало под руку. Одни одевали на себя дорогие одежды и меха, другие бросались к винным погребам и напивались до бесчувствия. Что не могли выпить, то разбивали. Солдаты не ограничивались домами, покинутыми хозяевами. Они врываются в жилые дома и не щадили никого: ни стариков, ни женщин, ни детей. Солдаты, не сдерживаемые присутствием начальства, грабили не только дома, но и церкви. Архангельский собор особенно разжёл их жадность. Они думали найти здесь несметные сокровища, будто бы скрытые в гробницах русских царей. Гренадеры изрыли, истыкали штыками даже гробницы. Солдаты разграбили имущество монахинь Алексеевского монастыря, пьянствовали в кельях, одевшись в монашеские рясы... Монахини прятались, где могли. Молодые из них мазали себе лица сажей. По рассказам очевидцев, сами французы в обращении с русскими были намного человечнее своих союзников. Когда французы разграбили Казанскую церковь в селе Коломенском и унесли всю утварь, священник пошёл к Мюрату и просил возвратить вещи, нужные для богослужения. Их возвратили, о чём свидетельствует надпись на одном из сосудов.

Церкви были превращены в казармы, конюшни или бойни. Могилы не были пощажены. Никогда ни один город не подвергался большим поруганиям. Все улицы были полны человеческими трупами, вперемежку с павшими лошадьми и другими животными. Голоса, звавшие на помощь, замирали, захлёбываясь в собственной крови. Обыватели выдерживали настоящую осаду, защищая свои ограбленные и переграбленные жилища против всё новых и новых нападений солдат, озверевших от пьянства, грабежа и убийств. От людей, воевавших и грабивших по всей Европе, невозможно было ничего спрятать. Они разбивали печи и камины, рылись в земле штыками и шпагами, разрывали могилы, особенно свежие, вскрывали гробы, в домах сбрасывали больных с постели, чтобы испарывать тюфяки. В оранжереях разбивали горшки с дорогими растениями, смотрели, не спрятано ли что

в горшках. Даже генералы, прикрываясь розысками по обязанностям службы, отбирали себе вещи по вкусу.

Среди этих ужасов французы задумали развлекаться. По всему городу отыскивали актёров и актрис. В доме богача Позднякова был наскоро устроен театр. Занавес сшили из парчовых священнических риз, из них же сделали и костюмы, благо солдаты охотно меняли парчу на кусок хлеба. Зал освещало огромное церковное паникадило. Мебель набрали из разных домов. Оркестр составил из своих полковых музыкантов. По церквам собирали восковые свечи, чтобы освещать театр и другие дома, где давались балы. Французы удивлялись только, куда девались русские барыни и барышни, и сожалели, что не могут с ними танцевать. Наполеон и его маршалы не бывали на этих увеселениях, но генералы, офицеры и солдаты посещали их очень охотно.

Губернатором Москвы был назначен маршал Мортье, человек очень живой и энергичный. Он принялся устраивать полицию и городское управление. В полицейские шли иностранцы, оставшиеся в Москве. Труднее было составить городское управление: туда требовались русские, а они упорно отказывались. Многих принудили угрозами, только трое из московских купцов согласились добровольно. По уходе неприятеля из Москвы их заставили под караулом сгребать снег на московских улицах, причём на них нацепили перевязки из белых и красных лент, которыми французы украшали членов городского управления. Большинство же шло в члены управления из страха перед французами. Один из московских купцов рассказывал, что к нему в дом явился французский офицер и потребовал его к Лессепсу, начальнику городского управления. Купец пришёл в ужас, думая, что ему и семье его пришёл конец, но Лессепс объявил ему, что он избран в управление. Напрасно купец ссылался на свое семейное положение, на своих престарелых родителей, о которых он должен заботиться. Лессепс не стал его слушать и пригрозил расстрелять его, если он не исполнит приказа. Купцу оставалось только повиноваться.

Временная администрация, учреждённая Наполеоном

в Москве, не принесла большой пользы французской армии; разве только тем, что некоторые из его членов служили французам шпионами, указали некоторые места, где скрыты были драгоценные вещи и оказали содействие при обольщении немногих крестьянок. Наполеон приказал сформировать дополнительный пехотный корпус исключительно из русских и иностранцев, поселившихся в России, но формирование этого корпуса не состоялось: лишь несколько пленных украинцев были завербованы в польские войска.

Наполеон не терял надежды на мир с Россией. Он почему-то был уверен, что император Александр непременно заключит с ним мир, если получит хоть одно из его писем. Он искал случая послать такое письмо. Случай представился. Отставной гвардейский капитан Яковлев (отец А.И. Герцена) не успел вовремя выехать из Москвы. Французы захватили его и ограбили. Он бродил по Москве, отыскивая возможность выбраться из города, и, наконец, явился за паспортом к маршалу Мортье. Тот захотел представить его Наполеону. Ограбленному Яковлеву пришлось явиться к императору французов во фраке своего камердинера.

Наполеон начал с того, что излил перед ним своё негодование по поводу московских пожаров, и выразил уверенность, что виновник их – «сумасшедший» Ростопчин. Затем он сказал Яковлеву: «Пора положить конец кровопролитию. Нам с вами легко поладить. Моя война с Россией чисто политическая. Мне нечего у вас делать: я не требую от вас ничего, кроме исполнения Тильзитского договора. Я готов возвратиться, потому что главное дело для меня – справиться с Англией. Если бы я взял Лондон, то нескорю оставил бы его. Хочу идти назад. Если император Александр желает мира, то пусть только даст мне об этом знать. Я пошлю к нему кого-либо из моих адъютантов, и мы тотчас помиримся. Если же он хочет войны, то будем воевать. Мои войска просят, чтобы я вёл их в Петербург. Пойдём и туда... В таком случае Петербург подвергнется одной участи с Москвой».

Наполеон убедил Яковлева взять у него письмо для

передачи императору Александру и дал ему пропуск для выезда из Москвы. Письмо было доставлено Александру I, но ответа на него не последовало. Несмотря на молчание русского императора, Наполеон сделал ещё одну попытку к примирению. Он выбрал посредником Коленкура, к которому благоволил Александр. «Эти переговоры будут бесполезны, – отвечал на его предложение Коленкур. – До тех пор пока вся Русская земля не очистится от неприятеля, Александр не выслушает ни одного предложения. Теперь Россия чувствует, что все благоприятствует ей, да и, кроме того, эта попытка повредит нам, доказав, насколько мы нуждаемся в мире, и обнаружит всю безысходность нашего положения». Наполеон решил тогда послать к Кутузову Лористона, своего бывшего посла в Петербурге. В разговоре с ним сказалась вся безвыходность положения Наполеона. «Я хочу мира, – были его последние слова, – мира хочу, слышите? Дайте мне его во что бы то ни стало, только честь как-нибудь спасите!»

В эти тревожные дни всегда деятельный Наполеон поражал всех своим бездействием. Он преднамеренно стал затягивать свои обеды и ужины, прежде чрезвычайно короткие, стал пить ликеры, чтобы поддержать свои силы. Он тратил долгие часы на обсуждение достоинств хвалебных стихотворений, которые ему присылали из Франции, или лежал на кушетке с каким-нибудь романом в руках. Он был суеверен и во время своих ночных прогулок всё пытался снова увидеть звезду своего счастья и показать её другим. Но и здесь он не мог найти ничего утешительного. Особенно тяжелы были его ночи. Обыкновенно он призывал к себе графа Дарю и делился с ним своими мрачными мыслями относительно положения дел.

В прощальном письме «брату» Александру Наполеон расчувствовался: «Прекрасная великолепная Москва уже не существует! Ростопчин сжег её: 400 человек зажигателей схвачены на месте преступления. Все они показали, что действовали по приказанию губернатора и обер-полицмейстера... Три четверти домов сгорели... Поступок ужасный и бессознательный! Для того ли сожгли город, чтобы лишить нас способов продовольствия? Но запасы находились в по-

гребах, которых огонь не достиг. Стоило ли для достижения столь маловажной цели истреблять один из прекраснейших городов на свете, сооруженный в продолжение нескольких веков? Так поступают от самого Смоленска; 600 тысяч семейств доведены до нищеты... Человечество, выгоды Вашего Величества и сего обширного города требовали вверить мне столицу, оставленную русской армией. Необходимо было оставить в ней управление и гражданскую стражу. Так было в Вене два раза, в Берлине, в Мадриде, так поступали и мы в Милане, при вступлении туда Суворова. Пожар подает повод к грабежу; солдаты присваивают себе то, что не сделалось жертвою пламени... Я веду войну с Вашим Величеством без озлобления. Если бы прежде последнего сражения или вскоре после него, Вы написали мне записку, я остановил бы армию и охотно пожертвовал бы выгодой вступить в Москву».

Эти запоздалые миролюбивые, но коварные слова подтверждают, что пожар Москвы, в сущности, был самым неожиданным поражением Наполеона, считавшего себя знатоком русских.

ПАРТИЗАН АЛЕКСАНДР ФИГНЕР

Легендарный русский партизан и разведчик Александр Самойлович Фигнер был родом из лифляндских дворян. Какая биография может быть у героя, погибшего в двадцать лет? Выпускник 2-го Кадетского корпуса в 1805 году был отправлен в англо-русскую экспедицию на Средиземном море. Попав в Италию, он в совершенстве выучил итальянский язык. В 1810 году мы находим поручика Фигнера на русско-турецком фронте. В его характере сослуживцы замечают не только завидную храбрость и мужество, но и некую бесшабашную удаль, склонность к авантюрам и смертельному риску. Перед штурмом крепости Руцук Фигнер вызвался измерить крепостной вал на глазах у изумленных турок. И сделал это. За этот подвиг он был награжден главнокомандующим, генералом М.М. Каменским, орденом Св. Георгия 4-й степени. Войну 1812 года Фигнер встретил артиллерийским капитаном и до за-

нения Москвы французами его имя не упоминается в военных сводках.

Ненастным осенним вечером 1812 года в подмосковном Тарутине главнокомандующему доложили, что ему хочет представиться капитан Фигнер и лично доложить о некоем секретном плане. Кутузов был озабочен действиями обнаглевшей конницы Мюрата вокруг лагеря, несколько подустал от тяжёлых раздумий и решил принять незнакомого ему офицера. Фигнер ушёл от фельдмаршала далеко за полночь, его план убийства императора Наполеона был принят. Он отправился в горящую столицу в сопровождении нескольких казаков.

Хорошее знание французского и итальянского языков, изумительная находчивость и хладнокровие сослужили ему важную службу. Трижды он побывал в Москве, но достичь поставленной цели – убить Наполеона – ему не удалось. Зато жертвами его небольшого диверсионного отряда стали французские офицеры и солдаты, которые на допросах сообщили важные военные сведения. Эту информацию Фигнер доставлял в штаб русской армии. Фигнер оправдал доверие Кутузова и при отступлении Наполеона из Москвы молодому офицеру поручается руководить партизанским отрядом численностью в шестьсот человек. Партизан Фигнер становится известной фигурой. О его подвигах знает уже император по донесениям из штаба и письмам Вильсона, главы английской дипломатической миссии при Кутузове.

Отряд Фигнера действовал в тесном взаимодействии с другими партизанскими отрядами – Сеславина, Давыдова, Орлова-Денисова. Александр Фигнер делает быструю карьеру, получив сначала чин майора, а потом подполковника. Кутузов направляет его с депешами в Петербург, к самому государю. Он возвращается в армию, обласканный императором, одним из самых молодых подполковников русской армии. Сохранился частный отзыв Кутузова о знаменитом партизане в письме жене: «Это письмо ты получишь через Фигнера; погляди на него пристально; он человек необыкновенный; я не видел столь высокой души; он фанатик в храбрости и патриотизме; Бог знает чего он

не предпримет».

Прогноз Кутузова оправдался. При вступлении русских войск на территорию северной Германии Витгенштейн выдвинул особый отряд для наблюдения за французским гарнизоном Данцига. Туда же, к коменданту Данцига, генералу Раппу, был направлен под видом итальянского негодянта Александр Фигнер. Сам Рапп допрашивал Фигнера. Русский разведчик не только справился со своей ролью, но и сумел завоевать доверие героя Аустерлица и Бородина. История эта замечательна тем, что Рапп отправил с «итальянцем» секретные донесения императору. Но Фигнеру и этой авантюры оказалось мало. Осенью 1813 года Фигнер формирует из добровольцев и дезертиров французской армии так называемый «легион мести». Масштабы партизанских действий уже не устраивали Фигнера. Его привлекали более амбициозные цели, в том числе захват города Касселя и вестфальского короля Жерома, брата Наполеона.

Конец сентября застал отряд Фигнера недалеко от города Дассау, на левом берегу Эльбы, в районе действий прусского корпуса Тауэнцина. Позиции отряда были окружены цепью часовых, вечером во все стороны были посланы разъезды, не обнаружившие французов в радиусе пяти миль. Отряд развёл огни и расположился на отдых.

Далее события развивались почти по сценарию советского классического фильма «Чапаев». Тёмной ночью полуэскадрон французской конницы снял сторожевые посты Фигнера из испанских добровольцев и ранним утром партизаны обнаружили в нескольких сотнях шагов от лагеря плотное кольцо неприятельской конницы. Это был авангард маршала Нея. Русские были прижаты к Эльбе.

Сохранилось уникальное свидетельство очевидца этих событий. «Господа, – сказал Фигнер. – Мы окружены. Надо пробиться. Если неприятель разорвёт наши ряды, то уж больше не думайте обо мне, спасайтесь враспынную...»

Партизаны атаковали французов в южном направле-

нии, попытка прорыва не удалась. Фигнер и его товарищи были оттеснены к самому берегу Эльбы. Оставшиеся в живых стали бросаться в реку и плыть на противоположный берег, где появились прусские разъезды. Но ослабевшие и раненые люди и лошади относились быстрым течением вниз. Они либо погибали в волнах, либо были расстреляны неприятелем с берега. Сподвижники слышали последний призыв командира «Ребята, не отдавайтесь живыми. И я не отдамся». На берегу нашли его саблю, тела не нашли. Очевидно, Фигнер погиб в волнах Эльбы.

Легенда о Фигнере омрачена рассказами о его жестокости по отношению к пленным французам. Много говорили о его болезненном честолюбии, о фантастических планах со своим легионом захватить Италию и сделаться вице-королем вместо Евгения Богарне, пасынка Наполеона. Но все эти свидетельства оставили потомкам партизаны-конкуренты – Денис Давыдов и Сеславин. Будем также помнить, что главным воспитателем на войне является сама война.

РЕСПУБЛИКАНЕЦ СТЕНДАЛЬ О НАПОЛЕОНЕ

В круге чтения, с юных лет доминирующим в моем духовном развитии, был Стендаль. Анри Бейля я читал «от корки до корки». Читал все – романы, повести, дневники, исторические заметки, переписку, коллекционировал детали биографии. Более того, Стендаль дал мне первое образование, какое не могли мне дать ни школа, ни университет. Я с упоением читал книги Стендаля по истории театра, живописи, музыки, о городах-заповедниках Итальянского Возрождения, сформировал собственный взгляд на переходную историческую эпоху от Революции к Реставрации, которую биограф Стендаля Анатолий Виногорадов определил как «три цвета времени».

Биография Наполеона и воспоминания о нём Стендаля отмечены какой-то особой человечностью, без пятидесяти выигранных битв, стратегии и дипломатии. Кузен маршала Дарю, близкого к Наполеону, аудитор Государ-

ственного Совета много знал, но сумел изобразить всё с удивительным вкусом в стиле «золотых рыбок в навозной жижице жизни». Его эстетика дала удивительные творческие результаты.

Стендаль не пользовался известностью среди современников. Когда в 1842 году французского консула в Чивитавеккиа нашли на одной из улиц Парижа в бессознательном состоянии, лишь немногие знали, что дипломат Анри Бейль и писатель Стендаль одно и то же лицо. Его открыли только в XX веке, благодаря новому прочтению его романов и признательности Ницше («Стендаль – самая большая красавица моей жизни»), блестящим биографическим очеркам Стефана Цвейга, Андре Моруа, Анатолия Виноградова. Я разделяю эти оценки, но лично мне Стендаль преподавал первые уроки эстетического вкуса и свободы. Французская монархия пала в 1789 году, потому что поколение Монтескье, Руссо, Вольтера и энциклопедистов изменило общественное мнение в такой степени, что можно стало говорить о том, что они создали гражданское общество. Когда возникло третье сословие, а дворянство, крестьянство и духовенство стали иными, более демократическими, революция стала неизбежной.

Теория демократических свобод была во Франции, практика этих свобод – «две палаты и печать» были на том берегу Ла-Манша, в Англии. Но, если в Англии аристократия добровольно отказалась от сословных привилегий, то французские роялисты не захотели уступать. Процесс революционного насилия был запущен 14 июля 1789 года взятием Бастилии и не закончился смертью королевской семьи.

Теория общественного договора, конечно, повлияла на формирование социального равновесия, но не сразу. Франции пришлось пройти через испытание Робеспьером и искушением всеобщего экономического равенства, самой притягательной теории справедливости, которую исповедовали руссоисты, в т.ч. молодой Бонапарт. Политика террора охватила не только Париж, но и провинции. На родине Стендаля Гренобле не было таких кровавых сцен массового уничтожения противников якобинского

режима как в Лионе, например. Но дневники Анри Бейля хранят не только следы ужаса современников перед событиями тех лет, но и объективную оценку событий Революции, его гражданскую позицию. Бейль-аудитор имел возможность передвигаться с Главным штабом наполеоновской армии, годами жил в Италии (отсюда любовь ко всему итальянскому), Германии (отсюда псевдоним).

Известно, что кузен Анри Бейля – генерал-интендант (на правах маршала), государственный секретарь, граф Пьер Дарю был хорошо информированным человеком, близким к Наполеону. Специалист по выколачиванию контрибуций с побеждённых стран, он был в курсе не только военных, но и финансовых тайн, был организатором снабжения почти 600-тысячной армии, вторгшейся в Россию в 1812 году. Ещё до начала кампании он неоднократно заявлял Наполеону, что со снабжением в России будут проблемы, что большая война чревата политическими и военными рисками. Дарю не уговорил императора остаться в Москве и ждать подкреплений из Франции. Императора устраивало общество Дарю во время 39 дней томительного пребывания в русской столице, но не устраивали политические советы бывшего республиканца, их независимый тон.

После Реставрации умный, прагматичный Дарю был востребован новой администрацией и создал необычную интригу: стал переводчиком и писателем, автором двухтомной «Истории Венеции» и членом Французской Академии. Думаю, не без помощи своего одарённого кузена.

В России Бейль увидел не императора-гражданина, а самодовольного властелина, который принимает непродуманные авантюристические решения. Что знал Дарю, знал и Бейль. Демонстрация силы превратилась в войну, к которой не готовились. Спор с маршалами в Смоленске сохранил состояние неопределённости. Наступление полчищ разноплеменной армии Наполеона вглубь России продолжалось. «Хлеб и мясо добудем в Москве» – говорил император. Официальные бюллетени Великой Армии откровенно лгали по поводу успехов в русской кампании. Полмиллиона солдат и офицеров оказались заложниками

безумца и его навязчивой идеи решить исход кампании взятием Москвы. Вся подконтрольная парижская и европейская печать, как по команде, тиражировала эту большую ложь. Потом было Бородино и пожар Москвы. Но даже после Березины Наполеон не признал своих ошибок.

Республиканец Стендаль считал, что «Наполеон уже не имел соперников среди великих людей нового времени; он достиг вершины славы, и если бы он захотел даровать родине свободу, он уже не встретил бы препятствий... При императоре французы, в силу своей приверженности к теориям, гораздо больше кричали «Свобода!», чем испытывали действительную в ней потребность. Вот почему отмена свободы печати была основана на очень правильном расчёте. Нация проявила полнейшее равнодушие, когда первый консул отнял у неё свободу печати и свободу личности. Именно тогда Наполеон совершил ошибку, следствием которой явилось его низложение. Он с лёгкостью мог посадить на прусский и австрийский престолы кого угодно: он мог также дать этим странам двухпалатную систему и полулиберальную конституцию. Он отказался от старого якобинского правила искать союзников против государей в сердцах их подданных».

Вся русская кампания была ошибкой: «После битвы под Москвой Наполеон получил возможность отвести войска на зимние квартиры и восстановить Польшу, в чём и состояла истинная цель войны; он достиг этого почти без борьбы. Из тщеславия и желания загладить свои испанские неудачи он решил взять Москву. Этот неосторожный шаг не имел бы вредных последствий, если бы император остался в Кремле не более трёх недель; но посредственность его политического дарования проявилась и здесь; она была причиной того, что он потерял свою армию».

«Почти все портреты Наполеона, которые мне довелось видеть, – говорит Стендаль, – являются карикатурами. Многие художники придавали ему вдохновенный взор поэта. Этот взор не вяжется с той изумительной способностью сосредотачивать внимание, которая составля-

ет отличительную черту гениальной натуры. Мне кажется, что в этом взоре выражено состояние человека, потерявшего нить своих мыслей, или же только что созерцавшего величественное зрелище. Лицо его было прекрасно; иной раз оно имело возвышенное выражение, и это происходило оттого, что оно было спокойно. Только глаза были очень подвижны и отличались большой живостью. Он часто улыбался, но никогда не смеялся...» «Чем полнее будет раскрыта истина, тем более великим предстанет Наполеон – так считал Стендаль.

Наполеоновская эпоха закончилась для Анри Бейля, так же как и для его императора, Ста днями. Он был очевидцем лицемерия печати и двухпалатного французского парламента. Первое известие о побеге с Эльбы и высадке узника Европы на юге Франции пресса встретила холодной реакцией: «Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан». Далее теплее: «Генерал Бонапарт вошёл в Гренобль». И, наконец, восторженное: «Его императорское величество Наполеон Первый сегодня вечером ожидается в верном ему Париже». Законодательное собрание проштамповало все решения императора. Это были его законодатели, с которыми он разрабатывал образцовый Гражданский кодекс, Кодекс Наполеона. Это, как он любил говорить о своих молодых генералах и офицерах, были его дети. Спустя сто дней они сдали его, издали декрет о низложении императора и династии. Он едва не стал заложником Лафайета, Талейрана и Фуше.

События в историческом калейдоскопе развивались очень быстро. Вскоре карьера Бейля оборвалась, и он с большим трудом нашёл второстепенную дипломатическую должность в австрийской части Италии, где его друзьями стали не только люди искусства и литературы, но и карбонарии, члены подпольных республиканских организаций. После смерти Наполеона, Анри Бейль прожил почти двадцать трудных, но счастливых в творческом отношении лет. Власть Наполеона сменил режим Реставрации. Французский консул в Чивитавеккиа регулярно получал парижские газеты. Людовик XVIII не стал разворачивать страну на 180°. Распределение земли, соб-

ственности и Кодекс Наполеона новая власть не отменила, понимая, что её ждёт в этом случае. Но впереди была Революция 1830 года, когда среднее сословие вновь заявило о своих политических правах и посадило на французский престол своего ставленника – короля-банкира Луи-Филиппа.

Бейль в последние годы тайно сотрудничает с итальянскими карбонариями. Под их влиянием его представления о парламентаризме, политических правах и свободной печати обогащаются. Человек, прошедший через три цвета европейской истории, ценит их как гурман, это неотъемлемая часть его комфортной жизни. Он оставил нам трактат о любви, но не оставил нам трактата о свободе. «Красное и черное» – роман о поэтапном постижении свободы. Кто-то из критиков назвал Сореля Наполеоном нового времени (по психологии, конечно). Думаю, что это неточно. Жизнь Жюльена Сореля – это искусство быть свободным, как это представлял сам Анри Бейль.

РУССКИЙ БОНАПАРТ – ДЕКАБРИСТ ПЕСТЕЛЬ

К числу самых ярких событий в жизни Пушкина в Бессарабии относятся его встречи и разговоры с Павлом Ивановичем Пестелем. Не принижая роли дружбы и взаимоотношений поэта с «первым декабристом» В.Ф. Раевским, «декабристом без декабря» М.Ф. Орловым, и даже с П.Я. Чаадаевым, следует сказать, что это были разговоры двух выдающихся знатоков истории России, пытавшихся осмыслить пути исторического прогресса в этой стране, перехода от крепостного состояния к Конституции и демократическому строю. Очевидно, что и в данном случае Пестель остался верен своим правилам конспирации и не раскрыл авторства «Русской правды». Но круг идей этого потаённого документа декабризма обсуждался собеседниками горячо и заинтересованно. Пестель своими идеями заговора в армии и движения к демократии через диктатуру очень напоминал Бонапарта с его арсеналом политических средств. Но всё-таки Пестель, подгото-